МАЛЬКИЙ

СБОРНИК ЛИТЕРАТУРНОЙ СТУДИИ
ПЕНЗЕНСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

2.91.7
М 14

МАЙСКИЕ ЗОРИ.

151762

ПЕРВЫЙ СБОРНИК
ЛИТЕРАТУРНОЙ СТУДИИ
ПЕНЗЕНСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТА.

Инв. № 151762

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
ПЕНЗЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.
1921 Г.

Цена 75 руб.

Указанная на книге цена никем не может быть повышена.

Государственное Издательство.

Р. В. Ц.—Пенза.

Типо-литография Губсовнархоза № 2.
Тираж—3000 экз.

1-е Мая.

Веселью общему внимая,
Вливаясь в красный водоем,
Мы песни солнечного мая,
Любя и радуясь, поем.

———

Из пролетарской нашей зыбки,
Как дети, вырвавшись на свет,
Мы наши первые улыбки
Дарим лучистому в ответ.

———

Май магнетически-медовой
Лучистой лаской пленит
И к жизни творческой и новой
По-майски молодость манит.

———

В нас страсти творческой порывы
На волю рвутся, как ключи,
Как воды вешние бурливы,
Как ласки солнца горячи.

———

Легко, свободно, без усилий
Поются песни в эти дни.
Восторгом солнечных воскрылий
Из сердца просятся они.

Т. Жидков.

* * *

Нашему Пролеткульту посвящаю.

На грани мук и обновленья,
Отдавшись творческой волне,
Мы миру счастье, просвещенье
Куем в железе и огне.

Мы в зорях красочного мая,
Под грохот фабрик, свист сирен,
Творим, поем, не умолкая.
Стихию взяв в железный плен.

Ф. Малинкин.

I Весеннее

Г. Жидков.

* * *

В воздухе пахнет весной;
Солнца снопы горячи...
В сердце, как в чаще лесной,
С тенями пляшут лучи...

——

Радостно... Жутко... Тепло...
Что-то мучительно ждешь...
В правду вплюбляется зло,—
И ничего не поймешь...

——

Бухнут, как почки, мечты,
Рвутся на свет, на простор
И, распустившись в листы,
Вяжут весенний узор..

——

Лаской фиалковых глаз
Небо на землю глядит.
Солнце горит, как алмаз
И вдохновенье дарит...

——

В воздухе пахнет весной;
В сердце проснулась любовь;
Сброшен покров ледяной,
Зреет весенняя новь.

———

Музыка весны

Тихо... Тихо... Трепетанье
Листьев,—словно песни волны...
Будем слушать, чу! вниманье! —
Эту музыку весны...

———

Вот послушайте: в природе,
В этой спутнице веков,
Сколько радостных мелодий,
Сколько песен, звуков, слов!

———

И в торжественном молчаньи
Мы услышим, как поют
Световые колебанья
Пролетающих минут.

———

Гениальностью богаты,
Лучше всех земных певцов,—
Там воздушные сонаты
Неизвестных голосов...

———

Будем слушать—чу, вниманье!—
Эту музыку весны,
В тихий вечер, при сиянье
Серебрящейся луны...

———

В грозу.

И молний зигзаги над бездной
Играли, змеясь, огоньком...
А гром, как по крыше железной,
Тяжелым стучал молотком.

———

Как темные, мрачные горы,
Тяжелые тучи росли,
Собой представляя узоры
Живых воплощений земли.

———

А дождь, клокоча водопадом,
В свинец изукрасивши даль,
Спускался шумящим каскадом
На землю, как яркий хрусталь.

———

На рассвете.

Ночную тьму заря пила
И небо алостью кропила,—
А туч зубчатая пила
Пространство медленно пилила.

——

Земля украсилась венком
Из нежных роз, горящих ало,—
А сырость влажным языком
Лицо земли, любя, лизала.

——

Росой жемчужною легли
На землю эти поцелуи...
И пели голоса земли,
Рассвет торжественно почуя...

Летний полдень.

Сияет солнце кровавой раной
На теле неба голубом;
Земля, одетая туманом,
Томится в трепете немом.

На грудь ее текут живые,
Неиз'яснимо горячи,
Как капли крови огневые—
Дождем сверкающим лучи.

Земля их пьет и не напьется,
И мысль невольно узнает:
Где кровь небесная прольется,
Там жизнь земная расцветет...

Гость среди гостей.

Душа моя срослась и с шорохом лесов,
И с рокотом волны, и с ревом дикой бури,
И с музыкой живых воздушных голосов,
И с мрачностью ночей, и с яркостью лазури...

Во всем, что предо мной, я нахожу себя,
И все, что есть во мне, я нахожу в природе;
И все вобрав в себя и все вокруг любя—
—Я гость среди гостей в извечном хороводе...

Г. Жидков.

Ф. Малинкин.

Майское.

Пьянеет ночь в цветочных винах мая...
Как золотые гвозди—звезды в вышине....
Бутон цветка, свой венчик закрывая,
Пылает знойностью в звенящей тишине.
Накинул мрак на шар земной забрало,—
Как будто исполин таинственных миров
Снял грозною рукой дневное покрывало.....
Хохочут филины средь сумрачных дубров.
Скользят вокруг пугающие тени..
Как будто мертвецы поднялись из могил,
Влюбленных парочки в экстазе наслаждений
Мешают с музыкой весны безумный пыл.
И дышат небеса цветочным ароматом,
Дрожит и искрится от звезд их синева...
А лунный луч в саду по листикам стрельчатым
Спускается к земле, где шепчется трава.

Гроза.

Саблей молния сверкнула
В тьме сгущенных облаков,
И как будто встрепенулась
Даль испуганных холмов.

Тихо... Чу! Вдруг жерновами
Замолово в высоте.
Вот, как будто молотками
Кто-то грянул по плите.
Отблеск молний ниже, выше...
Облаков открылась рана.
Снова гром... и дождь по крыше
Сыплет дробью барабана.
И протестом злобным воет
Ветр, обрызганный водою,
Да во мгле природа строит
Круг лучистый над рекою.

Ф. Малинкин.

Май.

Как окрыленный метеор,
Как света вечного планета,
Из-за морей, с высоких гор
Спустился к нам предвестник лета.
Блеснул красой веселый май,
Запели в рощах звонко птицы;
Покинув юга теплый край,
Слетелись уток вереницы.
Журчат ручьи, горит река
У пруда нежится береза.
Струей прохладной ветерка
Качнулась тихо в клумбах роза.

Покрылись зеленью леса,
Закат играет облаками.
Ласкают землю небеса,
Пестреет поле васильками.
Ожили пчелы; мотыльки
Снуют под вешними лучами.
Бесшумно шепчут лозняки,
Играя сочными листами.
Вот дождик брызнул стороной,
Омыл младеющие ивы.
Повеял ветерок степной,
Звучат весенние мотивы.
Звучат и мощно рушат страх,
Волной вливаясь в ширь полей;
Звучат в ликующих садах,
В сердцах измученных людей.
И сердце радостно стучит
От этой нежной, милой сказки...
Любовью искренней горит,
Горит и ждет взаимной ласки.
О ты, кудесник годовой,
Творец могучей тонной силы,
Целитель ран души больной,—
Как дни твои светлы и милы!
Ты окрыляешь бедняка,
Ведешь его на подвиг ратный.
С тобой отрадней у станка,—
Поклон тебе неоднократный.

Ф. Клейменов.

С. Шишкин.

Церковному звону.

Колеблешь воздух ты напрасно,
Церковный звон:
Гудков волнами ежечасно
Наполнен он.

Мы знаем: ты звонишь о рае,
Но не земном.
Гудки гудят о вечном мае...
Пою о нем.

---

* * *

Солнце светит ярким светом
С высоты небес;
Пышной зеленью одетый,
Улыбнулся лес.

Степь, поля, долины, горы,
Бледный вид луны...
Поднебесные просторы
Красоты полны.

Что же значат эти краски,
Этот мира вид?
Это—отблеск майской ласки
Жить и петь манит.

Я л ю б л ю...

Я люблю листов шептанье
И дубров красу,
Звонких песен трепетанье
В молодом лесу.

Я люблю ручьев ворчанье,
Клокоты морей,
Моря плавное даханье
И лазурь зыбей.

Все, что можно видеть в мае,
В сказочном, земном,—
Все люблю, всему внимаю
Сердцем и умом.

С. Шишкин.

ВЕСНА.

Апрель капризничал, волновался и требовал, чтобы Весна как можно изящнее одевалась, выходя с ним на пир проснувшейся земли. Южанин по происхождению, Апрель не выносил огромных сугробов уже почерневшего, но крепко державшегося снега в лесах и оврагах. Когда его желанья не удовлетворялись быстро, он нахлобучивал на небосвод туманное облако, и природа плакала мелкими, едкими слезами. Реки стонали и льдины, сталкиваясь друг с другом, спешили оставить эти неблагодарные места, злобно увлекая за собой мосты и даже целые дома. Но вот разлив закончился в мелких речках. „Зелени нужно, цветов, благоуханий—скорей"!.. кричал Апрель солнцу.

Услышало солнце, поднялось выше и все лучи щедро бросило на землю. Заговорило, заволновалось все. Лес стал важно натягивать зеленые одежды.

Робко выглянул подснежник, жмурясь от ослепительных лучей.

Луга, распинувшись небрежно, дышали пьяным одеколоном.

Над ними где—то высоко, высоко миниатюрно серебряный колокольчик жаворонка упоительно звонил о красоте и таинстве вселенной... В лесах появились композиторы и напевали свои любовные арии. Апрель был неумолим в своих требованиях: он возмечтал о соловьях и нежных цветах, которые доступны только Маю... Теперь он молился на солнце.

Лучи сильней... и острые пики более нежных растений тоже потянулись к свету и небу. С озабоченным гудом и неистощимой энергией, кружились пчелы над первыми весенними цветами, проникая в чашечки, осторожно пили нектар, и цветок их осыпал оплодотворяющей пыльцой, которую жадно брал другой цветок когда осыпанная пыльцой пчела попадала к нему в гости. Маленьким разноцветным веером порхали изящные бабочки.

Солнечный диск смотрел на землю, как жених на невесту.

Ручьи в лесу журчали мелодично и нежно, разбрасывая на маленьких водопадах жемчужные брызги... Листья на деревьях танцевали, заигрывали с ветром, шептались с ним: „Скоро будет май".

Осторожно постучал ландыш по прошлогодней листве, просясь наружу.

Листва раздвинулась, давая дорогу, и хрупкий стебель будущего цветка смело вдохнул весенний воздух.

Апрель чувствовал свою неустойчивость и продолжал на все лады ухаживать за Весной, стараясь сорвать первый поцелуй.

Весна кокетничала, просила букеты из ландышей и роз и смеялась, видя безсильный гнев Апреля. Он требовал, но природа категорически заявила ему: „ни ландышей, ни роз, ни поцелуев—ты зелен".

Апрель бесновался. Когда его господству пришел конец, то, расставаясь с Весной, с безумием в глазах, он собрал тучи, бросил тысячи молниеносных стрел и колебал ожерелье мироздания ударами грома. Скрыл-

15/762

ся Апрель, посылая проклятья. А Весна только усмехалась: приближался Май, избранник ее сердца.

Май прилетел, и чудно было это мгновенье.

Далеко до восхода огнисто-пурпурной зари, на оснеженно-цветочных крыльях, с пьянящим дыханьем любви на устах, Май торжественно спустился на ложе трепещущей Весны.

Тайное жертвоприношение рано утром, в причудливых искрах восходящей зари, воспели первые соловьи, пробужденные своими подругами.

Они пели восторженно: то, как щедрый богач, звонко бросали серебро звуков, то, взявши буйный аккорд, внезапно обрывали на высокой ноте, то вихри и пляска гамм наполняли зелень.

Все пробуждалось, замирало от счастья, жаждало ласково—огненного поцелуя.

Поляны сияли созвездием незабудок.

Все волновалось. Даже роса, витавшая где—то далеко, и та бриллиантовыми капельками спустилась на траву и цветы. От ее прикосновения, чашечки цветов проснулись и стали осторожно раскрывать лепестки, жадно глотая влажный бальзам росы.

Закивали головками колокольчики, кувшинчики.

Порхнул ветер, и аромат тычинок, пестиков смешался с воздухом.

Выглянуло Солнце, и крепко спавшим резко ударило огненным лучом в глаза, затем поднялось выше, выше и степенно поплыло по мягкой синеве неба. Май спустился и принес тайну зарождения и процветания. Благородный ландыш, выглянув из—под хвои, приветствует его.

На посторной поляне в лесу, Крапива, разросшись око о дубо, тоже заживала своей ядовитой голозкой. Почти рядом с ней Фиалка старалась принарядиться и послать свой приветственный поцелуй.

„Куда ты лезешь!" с презрением крикнула Крапива: „сюда скоро придут мальчики и уничтожат тебя, глупую! Хе, хе, хе! Уж полюбуюсь я на твои судороги!"—„Ко мне они не посмеют прикоснуться!".

„Что будет, то и будет" прозвенела Фиалка „А на красоту мира я все-таки посмотрю!". Она выглянула и, восхищенная панорамой леса, замерла от волнения.

Крапива снова ехидно захихикала.

Вскоре из глубины леса послышались радостные возгласы и безпечный смех малышей.

Детвора, придя на поляну, быстро рассыпалась по ней, дружно срывая цветочки. „ Незабудки, незабудки, фиалки, фиалки!"—кричали они и наклонялись кудрявыми головками. Цветы молча умирали один за другим, соединяясь в красивые букеты.

Крапива торжествовала и продолжала издеваться над Фиалкой. „Говорила тебе, глупой,—спи. Не послушала. Ведь, твоих сестриц погибло видимо-не-видимо, и тебе туда доро..." Она не договорила...

Один из мальчиков, увидя Крапиву, быстро вынул деревянную шпагу и, смеясь, начал рубить жгучие стебли.

„Ку ку. Ку-ку,!" надрывалась кукушка, сидя на ветке и зорко посматривая в чащу.

Вдруг она бесшумно и решительно скользнула в чужое гнездо и положила в него яйцо: гнезда других были воспитальным домом для ее птенцов...

Май продолжал пировать и во вторую половину своего господства.

В садах все яблони были иллюминованы ароматными снежинками будущего плода.

В палисадниках канареечница—Сирень одевалась в синие и белые одежды и дарила балованику—ветру часть своего девственного благоухания.

Дикий виноград, змеясь по террасам и стволам деревьев, самоуверенно поднимал голову к небу.

Чирикали около строений воробьи.

Трепетали крылышками и несясь парами в легком галопе.

Ворковали голуби.

Время шло...

И в клумбах парка заискрилась глазками целая плеяда аристократов-цветов, любуясь дрожью лучей в золотистых брызгах фонтана.

Почти над цветами, инженер-паук создал такую сеть паутины, что в ней одновременно забилось полдюжины мух.

Паук растерялся: изобретение, стоившее огромных трудов, готово было порваться и погибнуть от нашествия-варваров.

Он парализовал мозги и, мечась, начал щупать пульс у каждой мухи по очереди, и они, успокоенные его диагнозом, быстро затихали.

Немного выше, на том же дереве, примостился паук другого племени, но, не имея пензла и не будучи таким искусным строителем, сидел голодный в своем допотопном тенетнике и грустно вздыхал.

Шум, происходивший ниже, он услыхал - и, лишь победитель мух присел отдохнуть, как непрошенный нагрянул в его квартиру.

Увидев обильное кушанье, дикарь-паук попросил пару мушек себе.

Культурный сосед, посмотревши сердито, с свойственным ему красноречием стал что-то говорить о наглом вторжении в чужие дома, о потере совести и о многих других аттрибутах порядочности.

Не стерпел дикарь, и между ними началась борьба.

Пирующему Маю не понравилось такое явление и он приказал ветру прекратить борьбу.

Дунул ветер, качнулась ветка, разорвались паутина— и борцы неожиданно хлопнулись на землю.

Очнувшись от удивления и страха, они снова встали в боевую позу, но, как бы почуяв на себе власть чего-то огромного, расползлись в разные стороны.

Май продолжал пировать. Ветер, капризно метнувшись, стих.

Размечтался лес.

Жемчуг лучей обильным потоком лился на землю.

Ф. Малинкин.

Пенза. 1921 г.

II. Труд. Борьба.

Ф. Малинкин.

В заводе.

Свистя тяжелыми ремнями,
Кругом трансмиссии ползут...
Колеса, поршни с рычагами
Гремят, беснуются, ревут.
  Шипенье пара... Гарь и копоть
Сверлят трудящимся глаза...
Мелькает почерневший локоть,
С ресницы падает слеза.
  И лязгом воздух пробужденный
Протест возносит к небесам...
Как будто зверь неугомонный
Рычит и тянется к лесам.
  Двенадцать... Грохот тише... тише...
Ремни, содрогнувшись, стоят...
Лишь где-то с писком мчатся мыши
И вентиляторы гудят.

Музыка Индустрии.

Я—в царстве стали.

Взор обнимает дерзостно-поднявшийся лес прокопченных труб.

Исполинские маховики сотрясают здания и воздух.

Ритмичные вздохи парового молота похожи на отдаленные раскаты грома.

Периодически гремят станки, как злобный пес тяжелой цепью.

Ремни, вздрагивая и свистя, скользят по светлым кругам колес, учащая темп движения.

Динамо-машины, выбрасывая из себя огромное количество электрической энергии, как будто подсмеиваются над солнцем.

Тянутся во все стороны и гудят провода телефона и телеграфа, как потревоженные ульи пчел.

Мне и больно и радостно: дым пачкает синий атлас неба, в свистках я слышу угрозу вечным законам природы.

Со всей этой железной и динамической стихией я срастаюсь быстро и чудодейственно.

Я начинаю понимать, что все живет и говорит своеобразным языком чугуна и стали.

Чуть заметный станок в углу, разбуженный ремнем, тоже запел песню, сбрасывая медные стружки с обтачиваемого цилиндра.

Расплавленный металл, выходя по желобам из печей, своей огнеструйностью и треском говорит о той адской жаре.

Вот, сорвавшись, хлопнул по полу ремень так звонко, как пастух плетью, сгоняя стадо.

Вокруг ремня, как челнок на ткацком станке, заметался смазчик; засопел ремень, набегая на колеса, и вновь начался бесконечный круговорот.

Все говорит...

Даже гайка, сорвавшись с винта, говорит механику, что она бессильна сдержать ужасный напор пара.

Вечный гул, вечное движение....

Под этот несмолкаемый грохот из пасти машин ежеминутно, ежесекундно выскакивают изящные и страшные творенья человеческого прогресса.

Слабая рука человека-гения одним движением, одним прикосновением переливает свое желание и волю этому железному чудовищу.

Пляшут машины, равнодушные к человеческой судьбе, покорно завершая работу освобожденного Титана—Прометея.

Но машина послушна и жестока: задумался на мгновение рабочий, и мелькающий рычаг оторвал ему руку.

Все говорит. Все поет.

И нет величественнее и страшнее музыки Индустрии.

Ф. Малинкин.

На арене труда.

1.

Гигант чугунный,
Надменный, дерзкий
Пыхтит протестом
В дневном сиянье.
Мелькают спицы
Колес огромных;
Ремней плеяда
Колеблет воздух.
Механик хмурый
Следит упорно
За силой пара.
В котле гиганта
Вода клокочет;
В адской топке
Огонь танцует.
Пары змеятся,
Шипя ехидно.
Открыли клапан..
Пары, как бесы,
Летят в просторы
Туманной пылью...
Но, охлаждаясь
В воздушных сферах,
Каскадом капель
К земле спадают.

2.

Вот в лесопилке
Ликуют пилы...
Летят опилки,
Как листья с веток
Под властью ветра
В осенний вечер,
В час листопада.
Вот ствол столетний
С пилой столкнулся:
В стропилы, брусья
Весь превратился.
Пила, изрезав,
Освободилась.
Ворча со звоном,
Ждет новой жертвы.

3.

А в царстве стали
Хоралом звучным
Поют металлы.
В печи расплавясь,
Лавиной жгучей
Чугун искристый
Стекает в формы.
У разных горнов,

На наковальнях—
В ударах мощных
Перекликнулись
Куски железа.

И в блузах люди
Под ритм машины
Куют довольство
Векам грядущим.

Экспресс.

Вот он: смотрите, как мчится
В даль, рассекая хаос...
Гулко по рельсам стучится
Краем чугунных колес.
Пар вылетает со свистом,
Клубится дым из трубы,
И кочегар с машинистом—
В лапах железной судьбы.
Мчится .. И сильно трепещет
Насыпь и выемка гор...
Ночью огнями заблещет,
Мраку бросая укор.
Вот он: песочную пыль поднимает
Силой движений своих.
Тише, и тише... И ход замедляет
В станциях светло—живых.

Начало работы.

Рычаг подвинут машинистом—
И вздрогнул маховик...
Поршни метнулися со свистом,
Клокочет паровик.
Ремней тенетник вдруг проснулся,—
Содрогнулся, свистя:
Как будто леший прикоснулся,
Толкнул его, шутя.
На крыше, над сцепленьем балок,
С движением ремней
Поднялась стая сонных галок,
И грохот стал сильней...

Аэроплан.

Железный бант взвился в простор надменно,
Пропеллер разбудил от спячки небеса...
И смотрит солнышко на землю удивленно,
А ветер думает: „что это, чудеса"?...
Вдруг закричал: „Как смеешь ты в подвластном мне
просторе
Полет мой задержать и резать облака?!"
И ветер услыхал ответ в ликующем моторе:
„Не спорь, тут человек,--тверда его рука".

Ф. Малинкин.

Котюрь-Турловский.

Наша кузница.

Пышет пламя... Искры плещут
Ослепительным огнем...
Стоны кузницы трепещут
От ударов,—мы куем...

———

Душный воздух... Тучи дыма...
От мехов немолчный шум.
Но в руке неутомимой
Молот ходит: „Дзинь—дзинь... Бум"...

———

Время жаркое настало,
Но потом мы отдохнем,
Как из лучшего металла
Волю—долю мы скуем...

———

Счастье бедному народу
Мы готовим, мы куем,
И в работе про свободу
Песни новые поем:

———

„Прочь с дороги, кто ленится,
Кто ковать мешает нам!
Прочь с дороги, кто боится
Встать на помощь кузнецам!

Мы везде зажгем пожары,
Встанем все к своим горнам,
И последние удары
Светлый путь укажут нам...

Поезд.

Вот чугунка. Дождик мочит
Проходящий эшелон.
А колеса все стукочат,
Каждый пестуя вагон:

„Поскорей бы, под уклон бы,
Под уклон бы, под уклон"
—„Сбросить, сбросить бы мне пломбы" —
Стонет запертый вагон.

„Чуть плетемся, чуть плетемся;
„Поскорей бы под уклон;
„Не дождемся, не дождемся"...
От других несется стон.

—„О-о-о!!! Теперь помчимся"...
Обещает паровоз.
„Чуть вертимся, чуть вертимся,"
Отвечает хор колес.

Так ползет червяк чугунный
По чугунным колеям,
Угловатый, многошумный,
Создающий резкий гам.

Котюрь-Турловский.

Пронин.

Был ясный весенний день.

Казалось, целые лавины теплого воздуха отрывались от земли и, с необычайным усилием расширяясь, двигались кверху.

Оживленная работа на станции П. не только не смолкала, а наоборот—все усиливалась.

Паровозы, словно озаренные общей радостью, носились по путям, собирая разрозненные вагоны.

Метались сцепщики; они то ныряли под вагон, то снова выныривали, подавая сигнал паровозному машинисту.

То там, то здесь раздавались удары столкнувшихся вагонов; резкие звуки отчеканивались один за другим.

Врываясь в общую станционную гармонию, неслось эхо от удара молотов из недалеко стоящих мастерских и тяжелым грузом ложилось на землю.

Этот день не был обычным днем. Платформа станции была свободна от праздно гуляющей публики, роскошно одетых дам и гладко выбритых, с отвисшим подбородком, коммерсантов, ожидающих поезда.

Там были красноармейцы, едущие в отпуск и командированные по тем или иным служебным делам. Среди них изредка с озабоченным видом проходило из здания в здание начальство разных видов, и порой, с фонарем в одной руке и с сундучком в другой, двигались кондуктора.

Для Пронина, который сидел возле багажного отделения на своем сундучке в ожидании поезда, вся эта суета была хорошо знакома. Сутуловатый, с седеющей бородкой, одетый в серый ватный пиджак, в засаленной на голове фуражке, облитый потом, он читал не отрываясь „Рассказ о семи повешенных". Увлекшись, он совершенно не замечал, как близился конец рассказа. Закончил его—и от сердца как будто оторвалось нечто дорогое.

Невольно отложив книгу, он посмотрел на обложку и глубоко задумался.

В это время перед ним выростала вся прошедшая жизнь Петербурга, где около 30-ти с лишним лет он работал по заводам, и таких кошмарных расправ во времена самодержавия перед его памятью прошло не мало.

Он вспомнил 1905 год, когда народ пошел к Зимнему дворцу—попросить свободы у царя; царь учинил тогда жестокую расправу; там погиб и лучший друг Пронина, с которым он много лет работал вместе.

Ему стало грустно и хотелось плакать. Капля пота скатилась по его щеке и упала на губу. Пронину подумалось, что он уже плачет.

Вскинув глаза, он увидел проходящего мимо красноармейца, который, влача мешок, переваливался с ноги на ногу. Пронин вспомнил, что он находится на станции. Посмотрев в сторону, он приподнялся, слегка отер рукой лицо, поправляя бородку, потом повернулся, наклонился к сундучку, положил книгу, попросил рядом лежащего красноармейца посмотреть

за вещами и, растегнув пиджак, поправив рубаху, направился в конец платформы.

Воспоминание о прошлом его не оставляло. Он начал перебирать в памяти заводы, на которых работал, и знакомые закопченные лица рабочих. Вспомнил Карелина, с которым работал на заводе „Леснер". Любил он, бывало, собирать рабочих у своего станка и по-долгу беседовать с ними об общих нуждах, за что его ругал мастер, грозя расчетом. Пронину казалось, что он и теперь находится среди них, и легкая улыбка блуждала по его лицу. Но когда проходивший паровоз резал беспощадно воздух, подавая свистки, и Пронин, морщясь, озирался в сторону паровоза, то на место вереницы воспоминаний перед ним во весь рост рисовалась его современная деревенская жизнь, его маленький неуютный домик с начатой постройкой двора, и ему казалось, что он не тот Пронин, каким был раньше, что он такой жалкий, обиженный, а его хозяйство, лошадь, корова, овцы—все так мелочно и ничтожно. Его сердце забилось сильней, чаще замигали ресницы и на глазах выступили слезы. Это были действительно слезы тоски по живой рабочей жизни, которую Пронин покинул, вынужденный тяжелыми обстоятельствами жизни, после того, как потерял большой процент трудоспособности. Он думал найти приют в деревне и уехал из Петербурга в 1919 году.

Стараясь забыться, Пронин начал быстро ходить по платформе из конца в конец, но старания его были напрасны.

Когда, пройдя платформу и повернувшись, он увидел кипучую работу сотен людей, участвующих в первомайском субботнике и разгружающих вагоны, то среди них он заметил знакомое лицо Карелина, который, согнувшись, нес тяжелую доску. Пронин смотрел на него, не спуская глаз, и думал: не ошибся-ли? Грудь его наполнялась непонятной горечью, и горечь эта, все усиливаясь, подступала к горлу.

Карелин бросил доску и, отряхиваясь, повернулся к нему лицом. Сомнений больше не было. Пронину захотелось крикнуть, но что-то сдавило ему горло. Не дожидаясь ни минуты, он бросился в ту сторону, куда пошел Карелин. Шагая быстро по путям, он стал настигать его и, собравшись с силой, с трудом дыша от слез, крикнул:--Карелин! Тот остановился, думая, что его зовет кто-либо из товарищей, участвующих в работе. Но, обернувшись, он увидел смутно знакомое ему лицо.

Когда-же Пронин, с намокшими от слез глазами желая что-то сказать, подал руку, то Карелин узнал старого своего друга, и сразу же вспомнилась ему до мелочей вся прежняя кипучая жизнь питерского рабочего муравейника.

Друзья крепко обнялись и расцеловались.

Пронину хотелось одновременно и плакать и смеяться от радости.

Долго он рассказывал Карелину о своем деревенском житье-бытье и о том, как гнетет его разлука с дружной заводской семьей рабочих.

А Карелин поделился воспоминаниями о своей недавней работе на фронте, о героических мытарствах и подвигах, через которые шла к победе наша самоотверженная, героическая Красная Армия....

Через полчаса Пронин и Карелин с головой ушли в работу.

Ухали где-то доски, сбрасываемые на землю. Всюду сновали участники субботника.

Майская бодрая песня труда то вспыхивала, то замирала над головами Коллектива, справляющего свой весенний праздник.

От горечи Пронина не осталось и следа. Забылась и деревня с ее сонной жизнью, и семья с ее маленьким хозяйством.

Г. Воеводин.

III. Кто-мы? Куда мы идем?

Котюрь-Турловский

Наш путь.

Стремленьем к истине высоки,
Порывом творческим полны,
Мы выжмем солнечные соки
Из перезревшей старины.

Из человеческих событий,
С долин эпох, с дороги лет,
Мы соберем цветы наитий
В свой яркий, красочный букет.

Мы воплотим, векам на диво,
Всходя на новый перевал,
В аккордах дружных коллектива
Великий, светлый идеал...

Всех честных мы по-братски встретим,
Друг другу руки подадим.
Мы солнцем тьму веков осветим,
Мы новый путь земле дадим!

Чернорабочий.

Что вы смотрите мне в очи?
Иль для вас я груб и дик?
Я—простой чернорабочий,
Я—потомственный мужик.

Я не чту кумир приличья,
Ваших вкусов чужд мне храм;
Я питаю безразличье
К вашим светским мелочам.

Я иду своей тропою
В область солнечных веков,
Не считаяся с толпою
Мягкотелых слизняков.

Для меня одно лишь свято:
—Облегчать народный стон,
Увеличить счастье брата,—
Вот мой бог и мой закон...

Не смотрите же мне в очи.
Ведь, для вас я груб и дик.
Я—простой чернорабочий,
Я—потомственный мужик...

Из раба человек.

В стране рабов я был рожден,
Носил я цепи униженья,
Вокруг себя я слышал стон
И хохот дикого презренья.

Я был и жалок и угрюм,
Как пленник, скованный в неволе...
И все калечили мой ум
И душу мучали до боли...

Лишь только иногда в груди
Вскипала буря злобы дикой...
Я ждал с тоскою впереди
Восстания, борьбы великой.

И вот, теперь—пришла борьба,
Какой никто не знал от века.
И мир из прежнего раба
Живого создал человека...

Котюрь-Турловский.

Г. Жидков.

Новый человек.

Не тишины, а Бури
Хочу.
В веках, во Тьме, в Лазури
Лечу...

— —

Рождаясь, не исчезну,
Как прах,—
Я обнимаю Бездну
В Веках...

— —

Я—Великан. Я—Атом,
Я—Плод.
Соединю с Закатом
Восход!

— — — —

* * *

Вечность глотает минуты;
Время летит, как экспресс:
Жизнь нам готовит маршруты
В новые страны чудес.

——

Мы, расставаясь с прожитым,
К новым стремимся векам,—
К этим духовным магнитам,
К этим манящим огням.

Г. Жидков.

———

IV. Прошлое.

Из прошлого.

ОЧЕРК.

Не мало лет прошло с тех пор, как Сергей Силков возвратился из ссылки, отбыв трехлетнее наказание, но и доныне он не может позабыть тех мытарств, какие пришлось испытать в годы молодости, когда он всем существом своим переживал и весь энтузиазм революционного движения 1905—1906 годов и всю черную реакцию, последовавшую за ним.

Даже теперь, уйдя с головой в ритмично-стройную, как бьющийся пульс, жизнь завода, где он стал маленьким мускулом среди бесчисленного множества стальных, чугунных и таких же, как он, человеческих мускулов,—все же порой, оторвавшись от станка, он любил вспоминать о своем первом революционном крещении, о пережитых лишениях и неудачах.

Сегодня праздничный день, весенний, пестрый, красочный. Солнце, как маляр, огромной невидимой кистью прокладывает тонкий слой золотисто-бронзовых красок на крыши и стены домов, на мостовую, на деревья, на все окружающие предметы, придавая им сверкающий, щегольской вид. Даль старается закрыть отдаленные леса, холмы, долины прозрачной синеватой вуалью испарений,—напрасно: кудрявый лес так и выступает, так и выглядывает из-под вуали, как-будто хочет приблизиться; шаловливая серебри-

стая речка, извиваясь змейкой, так и тянется к городу, опоясывая его с правой стороны, как будто желая обнять, обхватить его яркой лентой. Мускулистые заводы, подняв руки, силятся притянуть к земле голубую парчу неба своими загорелыми пальцами-трубами, высоко простертыми кверху.

Город торжествует. Пунцовые лоскуты знамен колышатся в воздухе, как огненные языки; пестрые толпы народа движутся по улицам, направляясь к Советской площади. Бравурная музыка бодрит человеческий муравейник. Рабочие справляют международный весенний праздник.

Среди рабочих, идущих стройными рядами к площади, шагая в ногу и громко подтягивая общую песню: „Смело, товарищи, в ногу", идет Сергей Силков в своей серой кепи, с веселым лицом и выбритыми щеками.

У серенького кубика—трибуны, где ораторы выступают с приветственными речами, Силков стоит не долго; он внимательно выслушивает первого оратора, потом уходит в садик в нескольких шагах от трибуны, садится на скамью и закуривает „козью ножку" из махорки.

—„Товарищи! В старое время мы не могли праздновать свободно"—доносится до Силкова отрывок фразы с трибуны—„вспомним хотя бы наши рабочие маевки или массовки."

Силков потянул „козью ножку", выпустил изо-рта струйку дыма, бросил окурок, слегка опустил вниз голову и задумался.

Он больше не слышал оратора. Воспоминания о прежней жизни, картины былых мытарств, всего, что связано с общественностью, с его революционной деятельностью в прошлом, как на экране, потянулись, уплывая и вновь выплывая перед его мысленным взором.

Вот он видит себя восемнадцатилетним бодрым юношей, в родной деревне, среди избранного круга передовых товарищей на тайном совещании в саду у Одинцова—вожака их партии. Так же ласково светит солнце золотистыми полосами и пятнами ложась на песчаные дорожки сада и на бархатно-зеленую траву в прогалинах между деревьями. Одинцов—смуглый, серьезный, с черной клиновидной бородкой, высказывает свои соображения о том, как лучше распространять прокламации, кого еще можно завербовать в свою партию и когда лучше всего устроить следующую массовку. Смелый, коренастый Аплаков говорит, что в деревню как будто бы на днях присылается отряд конных стражников, о чем он знает из достоверных источников, и предлагает вооружить револьверами всех членов их организации. Длинноносый Ладонин советует быть осмотрительными; нужно подыскать конспиративную квартиру для таких совещаний в дальнейшем.

Затем мелькают перед Силковым дни кипучей революционной деятельности: массовки, пополнение партии, распространение нелегальной литературы, боевые задачи, открытие шпионов и все, на что было потрачено это лето.

Потом осень, серая, будничная, тревожная... Неудачное покушение на черносотенца Чипыгина растянуло и увеличило хитрую паутину слежки за ними.

Дальше—кошмарная ночь его ареста. Вот она... В сырой, чернильной тьме осенней ночи он пробирается на конспиративную квартиру на окраине деревни, где в 11 часов было назначено совещание. За широким кожаным поясом щекочет его бок заряженный револьвер. Вот уж он шагнул на первую ступеньку крыльца, как вдруг... «Стой! ни с места!»—и две сильные руки, сдавив, дергают его сзади за плечи... Три темных фигуры, с винтовками и нагайками в руках, из-за крыльца еще вздернулись перед ним, скрутили ему назад руки и начинают обыскивать всего... Нашли револьвер...

— „А! вот где попался .. бунтовщик, прохвост... Всыпь ему!.. Вот—вот тебе... вот!..

«Убьем, смутьяна, как собаку!..

И били, били, били... Сердце замирало от страха и невыносимой боли... С ударами нагаек, казалось, не только рубаха, но и куски тела отлетали в стороны.

„Кривов, наддай ему, прах-хвосту!“... И от ударов прикладом в спину он не мог устоять на ногах и упал... В груди что-то оборвалось, помутилось сознание...

Потом очутился в «холодной», а под утро его повезли под конвоем в уездную тюрьму, за 30 верст.

Дальше –проплыла картинка одиночного сидения в каменном мешке, глухом и темном, с убийственной сыростью, дурманящей вонью от «парашки», с кло-

пами и мокрицами. Целая неделя на хлебе и воде. Сколько пережил и перечувствовал здесь! День ото дня, час от часу ждал смерти... Бредил виселицей. Иногда, на минутку забывшись, чувствовал вдруг, что он между двух столбов и веревка уже затягивается на шее.. Душно... Под ногами—черная пасть сырого рва, а над головой—перекладина. Живой, но обреченный... на смерть...

Картина сменилась—его перевели в общую камеру для политических. Здесь встретил своих товарищей, арестованных вслед за ним. Бесконечно-долгая зима проползла мимо, а они все сидели бледные, усталые, замученные. Иногда рассказывали анекдоты, сказки, вели собеседования на политические темы, определяли свою участь.

Ждали решения суда—его не было. Весной, в одно пасмурное, слезливое утро тюремщики сделали им перекличку и об'явили, что они в числе 20 ти человек административно высылаются в В..... губернию, и завтра идет конвой.

Хотелось проститься с родными, но не пришлось—так скоро они не могли приехать за 30-ть верст.

Потом—этапы, этапы, пересылки, мрачные вагоны с железными решетками в окнах, молчаливо-суровые конвойные... тоска... неизвестность... тревожные, жуткие предчувствия. Так в продолжении трех недель.

Вот, наконец, водворили на место; сдали под надзор уряднику, который об'явил, что дальше 6-ти верст от волости он их пускать не будет.

Теперь не в тюрьме—на воде, но жизнь здесь—одна непролазная глушь, будни, хмурые сумерки изгнания...

Вот они, как живые: куполообразные синие холмы, обрамленные хвойным лесом—елями, пихтами, соснами,—да кое-где тонкой чахлой березой; топкие низины, на много верст простирающиеся сплошным болотом грязи, с тонким слоем желтенького мха и остренькой осоки; на вершинах холмов—деревушки-„починки" из трех—шести домиков; за ними маленькие квадратики полей—не чернозема, а красной глины, не пригодной для выращивания хлеба; ячмень да овес, овес да ячмень покрывают эти поля, а пшеницы или ржи совсем не увидишь здесь.

Как неприглядны внешний вид жилищ, так вдвойне неприглядна внутренняя обстановка. Огромная печь без трубы, как пещера, завешенная сверху разным растрепанным скарбом; закоптелые грязные полати, стены, пол, потолок; лохань, громадная, как винокуренный чан, с вечной вонючей закваской помоев и разных отбросов; большой медный, позеленевший крест перед божницей—главнейшая святыня здешнего старообрядца—беглака, когда-то бежавшего от преследований правительства за свою веру, или высланного за непризнание насильно навязываемого православия; бледные, бесцветные лица мужчин, женщин и детей в их национально-старообрядческих костюмах своего изделия, похожих на мордовский—у женщин и на монашеский—у мужчин; странная речь: вначале частая—частая, а к концу чрезвычайно долгая, как здешние времена года,—короткое, быстро

пролетающее лето и мучительно-продолжительная зима.

Бежать бы отсюда, бежать без оглядки... И они бежали, пять человек. Ночью, глухими дорогами, стараясь никому не попадаться на глаза, сорок верст катнули до станции лесом.

На станции купили три билета вскладчину—на всех не хватило денег. Двое устроились „зайцами“ промеж других, и вот уж они едут, движутся,—помчались.

Высчитывают день, в который будут дома. Вдруг на одной станции известие: поезд задержали. Кто-то из пасажирской публики сделал вооруженное покушение на жандарма. Среди пасажиров ищут злоумышленника: мучительно сжалось сердце молодчиков: „теперь попались...“ „не пощадят...“ „куда деваться!“—шепчут бледные губы беглецов.

Но гроза миновала. Поймали того, кто стрелял, и поезд отправился дальше.

Вот, наконец, родные места: барский лес, где так часто бывали массовки, последняя будка—до раз'езда; держит зеленый флажек знакомый будочник. Спрыгнули на ходу, не доезжая раз'езда, боясь, чтобы их не узнали и не донесли полиции; просидели до ночи в лесу, а под покровом тьмы разбрелись в разные стороны. Как вор, как таинственный гость, он сначала по оврагу, потом по задворкам пробирался к родной избушке. Постучал в окошко, спрятался за угол, вновь постучал,—ему откликнулись, но не скоро узнали; а когда узнали, мать сильно перепугалась и рас-

плакалась не то от радости свиданья, не то от горя, что ему приходится скрываться от людей.

До осени жил спокойно. Днем никуда не выходил, а если иногда вечерами приходилось куда-нибудь итти, он одевался в костюм старшей сестры, или матери.

В одну темную дождливую ночь под утро неожиданно ворвались в дом стражчики, прямо сонного на постели схватили его вновь, отправили—и опять начались дни тюремной муки, этапы, конвойные, сковыванье рук в железные кольца наручников, принудительное пребывание в дикой глуши, в В.... губернии до тех пор, пока не наступила амнистия....

—„Товарищ Силков, пойдемте домой! Чего вы здесь пригорюнились..."—прозвучал грудной мужской голос над правым ухом Сергея...

—„Все кончилось... пойдем!"

Силков вздрогнул, вскинул голову, посмотрел по сторонам, увидел перед собой знакомого рабочего Павлова, глубоко вздохнул и, протягивая руку для пожатия, как-то недоумевающе переспросил:

„Кончилось!?... Неужели все кончилось!?"

С площади расплывались пестрые ручьи народа по всем направлениям; флаги еще взмахивали своими красными крыльями, музыка удалялась, а небесный маляр—солнце все еще водил невидимой кистью по окружающим предметам.

Масовский.

1921 год. Пенза.

„Маевка".

(Отрывок из личных воспоминаний).

Это было в 1906 году.

Весеннее солнце ярко светило с безоблачного, голубого, как эмаль, неба. Задумчивые мощные дружины загорело—бурых, как тело кочегара, зелено-кудрых сосен помещичьего бора обступили нас со всех сторон, скрывая от ненужного взгляда людей, не разделяющих наших стремлений.

Нас было много. Молодые и старые, хмурые и жизнерадостные, молчаливые и разговорчивые,—все собрались сюда еще раз услышать ободряющее красное слово приехавших из города ораторов—революционеров.

День был праздничный. На маевку собрались крестьяне трех окрестных сел: Ч... Л... и С... Из С... пришли мордва, т. к. это село по преимуществу мордовское.

К опушке леса выставили патрули, которому поручалось следить за тем, как-бы не появились стражники и вместе с тем быть проводниками для тех, кто еще придет из дальнейшей на маевку. На месте сбора, каким являлась небольшая полянка, водрузили на высокий шест Красный флаг с революционным лозунгом и собравшись вокруг него, пели революционные песни: „Слезами залит мир безбрежный", „Варшавянку", „Марсельезу" и другие.

Четверо из передовых товарищей отправились на станцию встретить и провести на место маевки ожидаемых ораторов.

Мне тогда было только 12 лет и на маевку меня взял случайно мой старший брат, который принимал весьма деятельное участие в революционном движении.

В ожидании ораторов, я присматривался к лицам собравшихся на маевку. Многие из собравшихся на такой маевке появились впервые и, может быть, так же случайно, как и я. Любопытно было наблюдать за новичками—мордвами; они, собравшись маленькими группами в 2—3 человека, как-то особенно озирались по сторонам и вполголоса, озабоченно толковали между собой на своем мордовском языке.

Их белые, как будто выточенные из липы, ноги, завернутые в частые холщевые онучи на сине-красном фоне национального наряда; их раскосо-узкие щелки глаз на загорелых скуластых лицах; их неумение или нежелание слиться в одну группу—как-то невыгодно выделяло их из общей массы и невольно возбуждало во мне любопытство к ним. Я решил вращаться около них и стал прислушиваться к их разговорам, хотя по—мордовски не понимал ни полслова.

Через некоторое время явились ораторы. Собравшиеся, сидя, расположились на полянке вокруг флага, по возможности ближе друг к другу, и приготовились слушать ораторов. Ораторов приехало четверо: трое мужчин и одна женщина.

И вот, наконец, мы услышали красивые, горячие, прочувствованные речи настоящих идейных революционеров. В особенности всем по душе пришлась речь од-

ного оратора с длинными каштанового цвета волосами и в синей косоворотке.

А как убедительно, красиво и складно говорил он! Я плохо разбиралась тогда в политических вопросах, но речь длинноволосого произвела на меня такое впечатление, что, казалось, не только я, но даже полчища леса и сама земля чувствуют правоту и искренность его убеждений!.. Некоторые из сид-щих вокруг не выдержали и плакали. Рядом со мной на травке сидел худой, с реденькой бородкой дядя Захар из села Ч.... и он тоже плакал, тихо, но нервно всхлипывая, и заскорузлым кулаком вытирал слезы.

Долго говорил оратор и все слушали с напряженным вниманием. Пред нами мелькали картины бесправия общественных взаимоотношений, картины борьбы, кровь, ужас, пытки, тюрьмы, виселицы и в концу всего—убедительный, решительный призыв свергнуть все это, изжить и строить новую, красивую жизнь.

Но не окончил еще оратор свою речь, как до собравшихся доносится известие, передаваемое патрулем: „стражники!"

Кто-то сказал: „спокойно! не расходись." Многие зашевелились, вскочили на ноги, тихо зашумели, как листья при неожиданном взмахе ветерка, кто-то стал прятаться за деревья; некоторые отправились в разведку,—узнать, много ли стражников.

Конные „архангелы" не заставили долго ждать; они были уже у опушки леса. Мы видели, как они спешивались с коней и подавали для себя сигнальные

свистки, которые дико, захлебываясь как-бы от яростной злости, резко сверлили воздух. Да, они нас нащупали... Кто-то из них грозил в нашу сторону нагайкой, кто-то отдавал приказания, жестикулируя руками.

Среди нас произошла паника. Многие, в особенности новички—мордва, стали разсыпаться в разные стороны.

Красное знамя, ораторы и несколько человек остались на месте, у некоторых в руках появились револьверы.

Вдруг крик: „Разойдись,—стрелять будем!" донесшийся со стороны стражников, почти всех превратил в бегство.

Мне пришлось бежать с двумя мордвинами. У одного из них в руках было охотничье ружье. Бежали вправо по оврагу. Мои спутники что-то по мордовски лопотали друг другу с тревожной ноткой в голосе.

Перед нами оказалась река, маленькая и мелководная, как ручеек, но все-таки преграждавшая нам путь. Бросились через нее вброд; измочились. Перебежав на другую сторону, засели за ольховыми кустами в низине.

Оттуда, где было место маевки, до нас донесся выстрел, другой и третий,—значит, стражники столкнулись с храбрыми остатками маевщиков.

Сидим и ждем—что то будет: озираемся по всем сторонам, прислушиваемся к шуму и скрипу леса; напряженно ловим каждый звук.

Мои соседи озабоченно шепчутся.

Вдруг слышим недалекий треск сухих сучьев и топот.

Один из моих „революционеров", вскочив на ноги, решительно говорит товарищу по-мордовски:

—Васей!—тонь рузья...

— Монь рузья...—порф аяшь— отвечает другой, и ружье свое с негодованием бросает в сторону—в кусты.

— Зачем бросаете ружье: пригодится,— говорю мордвину.

— Нет, брыт, пороху—отвечает он с дрожью в голосе: вон, выть, какая дели.—

Оказалось, что это на нас бежал, также спасаясь от стражников, один из многих перепуганных маевщиков.

Масовский.

Кандальник.

Небо темное, как сажа, землю покрывает.
Не видать во тьме дороги, — буря заметает.
Дождь стучит, да ворон в поле пронзительно кричит пугливо.
На погосте дуб горелый стонет сиротливо.
Всюду грязь, вода и сырость... „Где же тут добраться!
Видно, здесь, среди умерших, суждено остаться я"—
Мыслит молча парень рослый. Меж могил с крестами
Уж давно он так-то бродит полем да лесами.
Тянут цепи, точно гири; руки онемели...
„Хоть крепки и держат прочно... А не досмотрели —
Убежал; и то не в радость"—думает бродяга.
Передрог, с утра голодный, падает бедняга.
Вот гумно, кажись, чернеет; поотрадней стало.
Близко будут и избенки: знать, прошел не мало.
Вот и хата. „Что же делать? Постучаться что ли?
Не спасет ли кто по-братски от бродячей доли?
А как выдадут? да снова... Краше уж могила"—
Мыслит парень. Думы давят, вся душа изныла.
„Ну! что будет... Эй, хозяин!"—„Кто там, чего надо?"
—„Приюти, отец, до-завтра от людского взгляда."
—„Да ты кто?"—„Бродяга беглый... Будь великодушен.
Сил не стало, голод мучит, злой нуждой задушен..."
—„Постучись пока к соседу!"—донеслось из хаты.
И пошел просить он снова, пряча грудь в заплаты.
Что же делать? Ночь глухая... Эх, ты, доля злая!...
Слышно, как стучит он в окна, плача и вздыхая.

Ф. *Клейменов.*

V. Призывы.

Котюрь-Турловский

Выше красное знамя!

(Стихотв. положено на музыку).

Выше держите пурпурное знамя,
Красное знамя побед!
Наших пожаров священное пламя
Скоро охватит весь свет...

— —

Люд обездоленный всюду проснется
Грозен, как бурная ночь;
Голос его, как набат, пронесется:
„Прочь угнетателей! Прочь!..“

— —

Спячки бездушной пора миновала;
Больше не будет раба;
Против позорных цепей капитала
Пусть же воскреснет борьба!..

— —

Выше держите пурпурное знамя,
Красное знамя побед!
Наших пожаров священное пламя
Скоро охватит весь свет...

Падали в вечность века за веками
И, не предвидя исход,
Все издевалася над бедняками
Хищная свора „господ“...

——

Но тяжелы стали муки народу,—
Буря проснулася в нем,
И дорогую для бедных свободу
Взял он мечем и огнем...

——

Выше держите пурпурное знамя,
Красное знамя побед,—
Наших пожаров священное пламя
Скоро охватит весь свет!...

———

В грядущее.

(Стихотв. положено на музыку).

Свет прольем во тьме холодной,
Солнце истины зажжем...
Люд рабочий, люд свободный,
Мы тебя с собой зовем...

Мир отживший стал нам тесен,
Участь прежняя—горька;
Будем в звуках новых песен
Славить новые века!..

Братства скрижаль.

Мы расчищаем в лесу бурелом;
Мы разрубаем тенета цепей...
Дети, для вас мы свободу куем
Жизнью и кровью своей.

——

Мы, не видавшие много веков,—
Что значит счастье, свобода и свет,
Мы, разорвавшие сети оков,
Приняли новый завет,—

——

Мир деспотизма, царей и господ
Весь мы разрушим, его нам не жаль,—
Пусть миром правит рабочий народ—
Вот наша братства скрижаль.

——

Пусть мы погибнем: за нами во след
Новые рати пойдут храбрецов...
Дети, вы все же увидите свет,
Свет, отвоеванный кровью отцов.

——

Вам мы готовим иную купель;
В ней вы креститься для жизни должны.
Мир должен быть—лишь труда колыбель,
Люди должны быть, как братья, равны...

Котюрь—Турловский

———

ХРОНИКА

Литературной Студии Пензенского Пролеткульта.

Литературная Студия Пролеткульта была открыта 5 го ноября 1920 года. Записавшихся студийцев насчитывалось до 30 человек.

9 го ноября состоялось организационное собрание студийцев, на котором Завед. студией тов. Ст. Давыдов ознакомил собравшихся с ближайшим планом работ Студии. Постановили вести занятия 5-ть дней в неделю, с 7-ми часов вечера, при чем 2 дня в неделю должны уделяться для практических занятий, главным образом разбору произведений студийцев.

С 14-го ноября начались регулярно читаться лекции преподавателями Пенз. Института Народного Образования, приглашенными читать в студии курсы следующих предметов:

1— „Политическая Экономия“—*К. Сергиевский.*

2—„История культуры"—*А. Л. Хвощев.*

3—„Теория и психология художественного творчества"—*Н. Н. Иноземцев.*

4—„Языковедение"—*Г. Р. Мейер.*

5—„История развития научного мировоззрения"—*И. А. Арямов.*

15-го ноября состоялся первый вечер коллективного творчества, посвященный „Неделе Помощи Красному Фронту", при чем написанные студийцами на этом вечере некоторые стихотворения были опубликованы в газете „Красное Знамя" № 268 за 21 ноября.

20-го ноября, на вечере в память Л. Толстого, тов. Малинкиным был прочтен реферат о значении литературного творчества Л. Толстого.

23-го ноября тов. А. Марьиным была прочитана лекция по журналистике: „Буржуазная и пролетарская пресса".

7-го декабря состоялись читка и разбор 2 х пьес: „Семья революционера" и „Кто виноват," написанных рабочими С. В. ж. д. тов. Кузнецовым. Было отмечено много недостатков в первых драматических опытах тов. Кузнецова.

21-го декабря состоялся первый показательный вечер при участии всех студий Пролеткульта, на котором некоторыми студийцами литер. студий были прочитаны свои стихотворения.

25-го декабря состоялась читка и разбор пьесы студийца тов. Клейменова „Надлом."

31-го января при встрече Нового Года, на устроенном Пролеткультом концерте-митинге, студийцы читали свои стихи, посвященные Новому Году.

В 1921 году работа литературной студии пошла еще более усиленным темпом. Занятия в студии стали вестись ежедневно, не исключая и праздничных дней. В дни, свободные от лекционных занятий, стали процветать так называемые „вечера-самокритики," а также вводиться читка образцов литературного творчества — как старых классиков, так и пролетарских авторов.

В „вечера самокритики" были прочитаны и разобраны следующие произведения, написанные студийцами лит. студии:

1) „Волчий билет"—рассказ тов. *Малинкина.*
2) „В кабачке"—пьеса тов. *Клейменова.*
3) „Николай Орлов" рассказ тов. *Малинкина*
4) „Порабощенные восстали" пьеса тов. *Храмова.*
5) „В медвежьем углу"—пьеса тов. *Шишкина.*
6) „В тенетах"—пьеса тов. *Малинкина.*
7) „За великую идею"—пьеса тов. *Л. Шуйфера.*
8) „Неожиданный случай" } очерки студийца
9) „Проигравшийся" — } тов. *Шишкина*
10) „Мобилизованный рабочий"—отрывок из поэмы тов. *Иконникова.*
11) „Весна"—очерк тов. *Малинкина.*

По поводу каждого из прочитанных произведений возникали дискуссии, в которых одинаково отмечались, как достоинства, так и недостатки работы студийца.

Большинство произведений признаны не достаточно зрелыми для их появления в печати или постановки на сцене.

Из всех пьес, прочитанных и разобранных в студии, свет театральной рампы увидела пока лишь одноактная

пьеса т. Ф. Клейменова „В кабачке", поставленная на показательном вечере Пролеткульта. Кроме того, готовится к постановке пьеса т. Храмова „Порабощенные восстали", переделанная автором на основании замечаний, сделанных при разборе пьесы.

Слана в президиум пьеса т. С. Шишкина „В медвежьем углу."

В литературную студию были также присланы для критики и отзыва пьесы и очерки местных авторов, не состоящих студийцами: „Емельян Пугачев"—пьеса, „Две доли"— очерк, написанные тов. Ломбасевым и пьеса из рабочей жизни, агитационного характера, присланная для критики из 30 рабочей дружины. Об указанных произведениях студией были даны соответствующие отзывы.

Кроме того, в вечера, свободные от лекций, читались, как темы для дискуссий, статьи П. Бессалько и Ф. И. Калинина из их сборника „Проблемы пролетарской культуры". Студийцем тов. Фелоновым был прочтен реферат об Оскаре Уайльде и его творчестве, вызвавший оживленные прения.

Последние вечера самокритики были посвящены коллективному редактированию настоящего первомайского сборника.

При студии имеется библиотека (в 2000 с лишним томов), составленная из книг, необходимых для занятий студийцев.

Секретарь Литературной Студии *Жидков.*

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Г. Жидков.—1-е мая. 3
Ф. Малинкин.—„На грани мук и обновленья“..... 4

I. ВЕСЕННЕЕ.

Г. Жидков.—„В воздухе пахнет весной“..... 5
„ Музыка весны..... 6
„ В грозу..... 7
„ На рассвете..... 8
„ Летний полдень..... 8
„ Гость среди гостей..... 9
Ф. Малинкин.—Майское..... 10
„ Гроза..... 10
Ф. Клейменов.—Май.....11—12
С. Шишкин.—Церковному звону..... 13
„ Солнце светит 14
„ Я люблю 15
Ф. Малинкин.—Весна.....16—21

II. ТРУД. БОРЬБА.

Ф. Малинкин.—В заводе..... 22
„ Музыка Индустрии.....23—24
„ На арене труда... 25
„ Экспресс..... 26
„ Начало работы..... 27
„ Аэроплан..... 28
Катюрь—Турловский.—Наша кузница..... 29
„ Поезд..... 30
Г. Воеводин.—Пронин.....31—35

III. КТО-МЫ? КУДА МЫ ИДЕМ?

Котюрь—Турловский.—Наш путь..... 36
„ Чернорабочий. 37
„ Из раба человек..... 38

Стр.

Г. Жидков.— Новый человек 39
„ Вечность глотает минуты..... 40

IV. ПРОШЛОЕ.

Масовский.—Из прошлого.....41—48
„ Маевка .....49—53
Ф. Клейменов.—Кандальник 54

V. ПРИЗЫВЫ.

Котюрь—Турловский.—Выше красное знамя! .....55—56
„ В грядущее 57
„ Братства скрижаль..... 58

Хроника Литературной Студии Пенз. Пролеткульта....59—62
Содержание.....63—64

Приложение.

„Выше красное знамя!“.—музыка *С. Грасгоф* к стих. Котюрь—Турловского.—на последней странице обложки.

Обложка работы художника *Г. Гурджиян*.
Виньетки—художника *Г. Алтунина*.

Пензенская
Центральная Губернская
БИБЛИОТЕКА
им. К. Маркса
№ 151762

Редактор—Литературная Студия Пенз. Пролеткульта.

Выше красное знамя!

Слова Конгарь-Пуриневского.

Музыка С. Красоф.

Maestoso.

Выше держите пурпурное знамя, красное знамя по-бед.

Наших пожаров священное пламя скоро охватит весь свет.

Гнёт обездоленной голодухрастется, гнозет как бурная ночь

голос его как набат раздается проклинетателей, прочь!

D.C.